

— Да, инструктор... — Ли Цинхуа ещё не до конца пришёл в себя.

Его бормотание заставило Чжан И и Ли Тяня зашевелиться, но те лишь поудобнее переплели конечности и, найдя позу поуютнее, снова захрапели.

— Не нужно называть меня инструктором. Зови просто Синъюанем. В отличие от школьных учителей, я твой инструктор, а между нами... я полагал, мы друзья.

Произнеся это, Су Синъюань сам на мгновение оцепенел. Он отчаянно пытался сохранить дистанцию, но каждое слово, каждый жест лишь неумолимо сокращали её. Все последние дни их общение не выходило за рамки деловых вопросов, и Синъюань не мог понять природу того гнетущего чувства, что поселилось в его груди.

Иногда он рассказывал Ли Цинхуа занятные истории об Империи, и стоило ему увидеть, как вспыхивает восторг в глазах собеседника, как наполняется искренним обожанием его взгляд, Су Синъюань ощущал странное, ни на что не похожее удовлетворение. В такие моменты ему казалось: не нужно ничего анализировать, не нужно строить планов. Достаточно того, что есть сейчас.

Это чувство возникло внезапно, вопреки всякой логике. Он любил старшего брата, уважал дядьёв и старейшин рода, чтил память родителей, которых никогда не видел. Встреча с близкими всегда приносила радость, но то, что он испытывал к Ли Цинхуа, было иным.

С самого первого взгляда Су Синъюань был уверен: этот человек влюблён в него. Ли Цинхуа выражал свою симпатию ежесекундно — в каждом жесте, в каждой интонации. И мысль об этом согревала Синъюаня изнутри, заставляя искать близости, даже если для этого приходилось принимать облик юного зверя, лишь бы почувствовать на своей шерсти прикосновение его рук.

Но была ли это любовь? Он не знал.

— Син... юань... — в хмельном беспамятстве Ли Цинхуа оказался на редкость послушным. — Синъюань...

Пробормотав имя, он снова начал погружаться в вязкий туман, но всё же успел добавить:

— Я... спать.

Су Синъюань кивнул самому себе и разорвал связь. Он, привыкший к десятилетиям бесконечных битв и суровых будней, впервые почувствовал, как к лицу приливает жар. «Может, я заболел?» — пронеслась тревожная мысль. Он привык решать любые проблемы

силой, и это новое, необъяснимое состояние сбивало его с толку.

Не в силах больше оставаться наедине со своими сомнениями, Синъюань распахнул дверь в покои брата.

— Брат! Брат!

Су Синъи мгновенно прервал свой разговор и подхватил влетевшего в комнату младшего брата на руки. Синъюань уже успел принять облик юного зверя.

— Что случилось? — мягко спросил Синъи.

Энергия в теле ещё не повзрослевшего зверя была крайне нестабильной, и пребывание в этой форме дома шло на пользу его развитию, поэтому Синъи всегда настаивал, чтобы младший не тратил силы на человеческое обличье в кругу семьи.

— Брат... что такое «любовь»?

Синъюань выглядел совершенно потерянным. Он был лишь юным зверем, чьи познания ограничивались простыми истинами: брат добр к нему — значит, он любит брата; родители, должно быть, тоже были добры — и их он тоже любит; дядья и наставники заботятся о нём — и к ним он питает привязанность. Те же, кто дрожал при его появлении или смотрел с ненавистью, были ему неприятны.

Но теперь появился человек, который любил его иначе. И Синъюань всем сердцем хотел ответить ему тем же.

— Любовь — это когда ты постоянно думаешь о ком-то. Когда в твоём мире остаётся лишь один человек, и больше тебе ничего не нужно, — Синъи невольно погрузился в воспоминания.

Он вспомнил свою половинку, вспомнил, как его пламенная страсть выжгла в его душе всю горечь и тьму. Всегда найдётся тот, кто полюбит первым — искренне, не требуя ничего взамен, просто желая быть рядом. Но, увы, не каждый получает соразмерный ответ.

— А за что любят?

— У любви нет причин. Ты влюбляешься с первого взгляда: в блеск глаз, в оттенок кожи, в голос. Тебе нравится в человеке всё, а если что-то и кажется чуждым — ты готов это принять и простить, — Синъи ласково погладил мягкую шерстку брата, гадая, что до совершеннолетия тому оставалось ещё добрых десять тысяч лет.

— Если кто-то любит меня... значит ли это, что и я полюблю его в ответ? — Синъюань поднял

голову, и в его алых глазах отразилась робкая надежда. — Раньше меня никто не любил... так. Он первый. Может ли быть, что я из-за этого его полюблю?

— Вполне возможно, — Синьи улыбнулся. — Тебе придётся прислушаться к себе. Неважно, с чего всё началось. Если ты поймёшь, что твоя жизнь без него пуста, если ты ловишь себя на мыслях о нём и хочешь делить с ним каждую свободную минуту, если любая мелочь кажется тебе интересной только тогда, когда ты можешь о ней рассказать ему... вот тогда это любовь.

Он вздохнул. Его младший брат развивался поразительно быстро в плане интеллекта и деловой хватки, но его эмоциональный интеллект застрял на уровне ребёнка. Когда Синъюань проходил свой первый генетический тест, его физические показатели достигли ранга А и даже грозились перешагнуть этот предел, но ментальный уровень замер на отметке F. Для выходцев с планеты Чжаньсу это было неслыханной редкостью. Семья всерьёз опасалась за его рассудок, боялась, что его обманут или затравят в школе. Однако Синъюань учился с невероятной скоростью, а в торговых делах видел суть вещей глубже любого из них. Решив, что тест ошибся, они провели его снова, но результат остался прежним: ментальный ген ранга F.

Прожив с братом тысячи лет, Синьи давно понял, в чём проблема: тот не был глуп, но в делах сердечных оставался сущим младенцем. Возможно, эта влюблённость и была тем самым шагом к истинному взрослению. Ему стало безумно любопытно, кто же сумел пробудить чувства в этом «юном звере».

— Спокойной ночи, — пробормотал Синъюань, заметно успокоившись, и вскоре засопел на руках у брата.

Синьи продолжал гладить его по голове, но в его взгляде читалась тревога. Сонливость для юного зверя — дело обычное, ведь организму нужны силы для роста. Однако Синъюань уже стоял на пороге зрелости, и такая потребность в долгом сне выглядела подозрительно. В детстве он был тем ещё сорванцом — даже с их генами ранга А никто не мог сравниться с ним в энергичности; он целыми днями пропадал в драках и напрочь отказывался ложиться в постель.

Сейчас же всё изменилось. Синьи почувствовал, как ладони обжигает жар, исходящий от тела брата.

[Запуск медицинского протокола]

[Субъект: Су Синъюань]

[Статус: Анализ биометрических данных...]

[Температура поверхности тела: 100°C]

[Заключение: Обнаружена аномальная лихорадка]

[Причина: Не установлена]

[Метод лечения: Не определен]

Синъи нахмурился. Последние дни температура Синъюаня постоянно росла. Для людей Чжаньсу нормальные показатели были выше, чем у других рас, но сто градусов даже для них считались критическим порогом. Многочисленные обследования у лучших врачей не дали результата: причину скачка температуры так и не нашли, а лечить вслепую Синъи не решался — их раса была крайне чувствительна к лекарственным препаратам.

Станным было и то, что жар проявлялся только во сне. Стоило Синъюаню проснуться, как температура возвращалась к нормальным шестидесяти градусам. В конце концов, на это решили временно закрыть глаза — впереди была свадьба Синъи, и ничто не могло быть важнее этого события.

***

Ли Цинхуа очнулся от тяжелого, вязкого сна. Голова раскалывалась, в висках пульсировала тупая боль, а рядом, ничуть не заботясь о его страданиях, всю храпели Чжан И и Ли Тянь.

С трудом разлепив веки, он огляделся. Спихнув с себя чью-то ногу, Цинхуа поднялся, нацедил горячей воды и кое-как умылся. Ледяная свежесть немного прояснила разум. Вскоре заворочались и друзья. Кое-как приведя себя в чувство, троица отправилась на поиски завтрака.

На обратном пути, когда улицы немного опустели, Ли Цинхуа огляделся по сторонам и, убедившись, что лишних ушей нет, выудил из карманов две горсти небольших золотых самородков. Он решительно вложил их в руки онемевших друзей.

— Нужно это продать. Я доверяю вам обоим.

Он не стал пускаться в долгие объяснения, решив выразиться иносказательно. Конечно, в глубине души проскальзывала мысль: а что, если они сбегут с этим золотом или решат утаить часть прибыли? Но он верил своим братьям по оружию — тем, кто делил с ним тяготы и лишения, хотя и не знал, как они поведут себя, когда в руки приплывёт настоящее богатство.

Чжан И, ошеломлённо разглядывая россыпь золота, пришёл в неописуемый восторг.

— Какая здесь проба? — быстро спросил он.

— Везде разная.

Чжан И кивнул, в его голове уже начал зреть план, но озвучивать его он не спешил — лишь понадёжнее спрятал золото. Ли Тянь тоже расплылся в улыбке, рассовывая добычу по карманам и то и дело проверяя, на месте ли она.

Ли Цинхуа не выдержал и рассмеялся:

— Тянь-цзы, сделай лицо попроще. У тебя на лбу написано, что ты что-то прячешь. Любой карманник сразу к тебе приклеится.

Ли Тянь густо покраснел и отдернул руки, но через секунду снова не выдержал и проверил карман.

Цинхуа только качал головой. Он искренне не понимал, как такой простодушный и честный парень вообще решился торговать на улице. Впрочем, покупатели любили Ли Тяня именно за это: он был косноязычен, не умел торговаться и краснел по любому поводу. Люди видели, что он не обманет, и охотно шли к его лотку. Видимо, дуракам и впрямь везёт.

— Как только продадите всё, вернётесь, и тогда уже поделим выручку.

Ли Цинхуа крепко хлопнул друзей по плечам и, проводив их взглядом, почувствовал, как на сердце ложится странная тяжесть. Постояв немного, он стряхнул оцепенение и не спеша зашагал к дому.

Сначала нужно отложить деньги. Когда накопится приличная сумма, они втроём откроют настоящую лавку. Но чем торговать? Люди всегда хотят есть... У жены Чжан И золотые руки, она готовит потрясающе.

«Впрочем, — подумал он, — сначала дождёмся их возвращения».

<http://bllate.org/book/17442/1663623>